

В 1816 г. В. М. Головнин издал книгу – «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе». Эта книга сразу была переведена на многие европейские языки, и японцы, несмотря на политику «закрытых дверей», узнали о ней. Баба Садзуро – один из переводчиков, общавшийся с Головниным в Мацумаэ в 1811–1813 гг., начал переводить её с голландского на японский через восемь лет после того, как он расстался с автором. Завершен перевод был другим человеком в 1825 г. и издан под названием «Рассказы о несчастьях во время нахождения в Японии». В 1816 г. и П. И. Рикорд опубликовал свои «Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 г. и сношениях с японцами». Такатая Кахэй, после возвращения в Японию, написал свою книгу – «Записки о Русском Государстве», которая была обобщена и опубликована в 2003 г. его потомком, господином Такада Касити. (Перевод на русский язык был сделан научным сотрудником Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Ю. А. Шугаевой в 2004 г.) В 2013 г. на выставке в РГИА «290 лет РГА ВМФ» в числе раритетов было представлено гусиное перо В. М. Головнина, которым он написал свои книги.

1. Головнин В. М. Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807–1811 гг. СПб., 1816.
2. Он же. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с примечанием замечаний его о Японском государстве и народе. СПб., 1816.
3. Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1799–1815 : сб. док. М., 1994.
4. РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 909. (Дело об отправлении шлюпа «Диана» в Охотск с разными материалами для тамошнего порта, 1806).
5. Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2.
6. Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 557 (Рапорт капитана 2 ранга Головнина о передаче в музей коллекции, собранной им во время кругосветного плавания на шлюпе «Диана» в 1806).
7. Воспоминания Л. И. Рикорд // Рус. старина. Т. XXIV. С. 41–48.
8. РГА ВМФ. Ф. 166. Оп. 1. Д. 910 (Дело о снабжении находящегося в Камчатке шлюпа «Диана» провизию, 1810–1813).
9. Сочинения и переводы В. М. Головнина. СПб., 1864. Т. V : Замечания В. М. Головнина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 г. Л. 1-56.
10. РГА ВМФ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2.
11. Там же.
12. Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3995 (Дело о шлюпе «Диана», оказавшемся к плаванию неспособным, 4.01.1815).
13. Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 734.

А. А. Гончарова

ФОЛЬКЛОР В ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ВУЗОВСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. Статья обращена к содержательным аспектам фольклора как учебной дисциплины в структуре вузовского образования филологов. В ней представлены практические приемы работы с фольклорным текстом на материале былин и лирических песен с целью выявления в них духовных пластов, предпринята попытка осмысления такой нравственной категории, как добро.

Ключевые слова: русский фольклор, былины, образ матери в русских былинах, героический эпос, эпос, добро.

Abstract. Article is addressed to substantial aspects of folklore as subject in structure of higher education of philologists. It presents practical working methods with the folklore text on material of epics and lyrical songs in order to identify spiritual strata, an attempt is made to understand such moral category as kindness.

Key words: Russian folklore, byliny (epic poems), image of mother in Russian byliny, heroic epic, epos, good.

Фольклор как учебная дисциплина входит в систему филологического вузовского образования на первоначальном этапе обучения. Студенты первого курса изучают жанровый состав фоль-

клора, происхождение жанров, их поэтику. Все это способствует пониманию специфики фольклора, его условного «языка», восходящего к древним истокам.

Основной целью изучения фольклора является приобщение молодых людей к пониманию сущности народной традиционной культуры с точки зрения духовной и эстетической. Фольклор создавался в процессе многих веков, память отбирала самое ценное, без чего не может быть человека – отсюда его такое уникальное качество, как современность звучания. «Чаще всего этим термином обозначается комплекс словесных, словесно-музыкальных, музыкально-хореографических, игровых и драматических видов народного творчества» (4, с. 266). Это довольно «широкое» значение термина. В данном определении содержатся такие стороны этого понятия, которые могут быть объектом разных наук, что и происходит в действительности. На филологическом факультете, в основном, изучается словесный (вербальный) фольклор, но непременно учитывается специфика бытования каждого жанра, его связь с действительностью, которая никогда не бывает прямой, так как фольклор избирателен, и собственно этнографический материал «переплавляется» в художественные образы и содержит обобщение. Полифункциональность фольклора – одна из особенностей, что необходимо учитывать, изучая жанровый состав фольклора.

Фольклор вырастает на почве народного быта, хозяйственной деятельности человека, поэтому отдельные его пласты и жанры имели утилитарную (практическую) направленность. В частности, это относится к обрядовой практике, включающей и обрядовую поэзию. Имеются жанры с информационной функцией, магическо-религиозной и эстетической.

Как известно, образование и воспитание неотделимы друг от друга, воспитание через предмет осуществляется ненавязчиво, в процессе тщательной работы с фольклорным текстом, «вскрытием» его глубинных духовных пластов, запечатленного народным словом. Но чтобы пробраться в духовную сущность фольклорного текста, необходимо знать канон фольклорной эстетики, стереотипию народного творчества. Все это усваивается студентами в процессе изучения теории фольклора и в совместной работе с преподавателем на занятиях. Фольклор – довольно замкнутая эстетическая система, тяготеющая к разделению на высокое и низкое, добро и зло. Это искусство крупных обобщений, универсализма образов и устойчивых стилистических приемов.

Объект фольклора – человек и человеческая жизнь вообще. В раннетрадиционном фольклоре все явления рассматривались по аналогии с природными, такой подход перешел и в более поздние эпохи, в частности, и в фольклор классового общества.

Ценности, открытые человеком в доклассовом обществе, в основном не пересматриваются фольклором, классовое входит в него, но все проверяется общечеловеческим и часто даже «природным». Особенно это заметно в таких жанрах, как пословицы и поговорки. «Чего себе не хочешь, того и другому не желай», – гласит пословица. И это вечная истина.

Духовные основы, содержащиеся в русском фольклоре, проверены жизненным опытом многих поколений и не могут исчезнуть бесследно, даже если современный человек и не желает о них слышать, тем более жить, опираясь на мудрость предков.

Данная статья представляет отдельные аспекты работы с фольклорными текстами в контексте духовно-нравственного содержания фольклора. В ней предпринята попытка осмысления такой категории, как «добро» в художественном мире фольклора. Материалом для статьи послужили сюжеты былин Киевского и Новгородского циклов в известных сборниках Кириши Данилова и А. Ф. Гильфердинга. При выборе определенного аспекта анализа учитывается вариативность фольклора и «закон целостности».

В известной былине «Калин царь» (3, с. 129) есть эпизод, на который не всегда обращается внимание, однако он многое проясняет в отношении народа-сказителя к своим нравственным ценностям. В этом варианте былины особое внимание уделено описанию вражеской силы, что дается в развернутой экспозиции сразу после зачина. Максимальная гиперболизация, проявившаяся в единстве изобразительно-выразительных средств, пространственных координат и даже в риторическом вопросе (что не свойственно былине) «Зачем мать-земля не погнется, зачем не расступится?..» имеет одну цель: поразить слушателя картиной несметной силы врага и невольно внушить мысль, что победить его невозможно. Еще более усиливается это ощущение всесильности врага после описания «выбора посла», его поведения в Киеве, «в гридне во светлой». Не прибавляет уверенности в победе над врагом и реакция князя Владимира на угрозы татарского посла, а после сентенции певца «По грехам над князем учинилося / Богатырей в Киеве не случилось» (там же, с. 130), следует вновь описание несметной силы врага, но в сравнении с началом, она конкретизирована, указывается на родственные отношения в стане врага Калина царя – тем самым еще раз опосре-

дованно подчеркнуто, что враг непобедим. По законам былины героической, «воинской», должен появиться главный богатырь, но здесь его появление отодвинуто не случайно. Оказывается, Киев есть кому защищать, и отпор врагу может дать любой. В былине поется:

Втапоры Василей-пьяница
 Взбежал на башню на стрельную,
 Берет он свой тугой лук разрывчетой,
 Калену стрелу переную,
 Стрелял он тут во Калина-царя,
 Не попал во собаку Калина-царя,
 Что попал он в зятя его Сартака,
 Ушиб его до смерти (3, с. 131).

В былине часто поступки персонажей кажутся немотивированными, но это лишь внешний слой текста. Возможно, в данной ситуации нет необходимости в непосредственной мотивировке поступка «Василей-пьяницы», так как его поведение объяснено наличием врага.

Былина многослойна не только в смысле композиции сюжета, многослойность проявляется в той «спрессованности» исторических эпох, которые и делают условным, а не конкретно-историческим время в былине. Поступок «Василей», возможно, имеет функцию снижения образа князя Владимира, что также свидетельствует о поздних наслоениях, в которых подчеркнуто особенно значимое в поведении человека: действие во благо родной земли независимо от того, кто ты (князь Киевский или Василей-пьяница). Не случайно его поступок вызвал последствия: реакцию врага, и «притянул» появление главного героя – богатыря. Илья Муромец наречет его «братом названным».

Мотивация поведения богатыря в «воинских» былинах Киевского цикла всегда одна и та же – она заключена не в объяснении поступка, а в самом поступке, который связан с защитой русской земли. Это патриотические мотивировки богатырских поступков.

Богатыри «свободны» в своих действиях, а поступки во всех сюжетах, например, былин об Илье Муромце сосредоточены на свершении подвигов, личные интересы отсутствуют в них. И дела их даются как общенациональные, былина вообще обращена не к частной жизни.

Добро в былине проявляется и через изображение труда «ратая-пахаря-богатыря» Микулы Селяниновича в известном сюжете «Вольга» (другой вариант «Вольга и Микула»). Обычно обращается внимание на силу пахаря, которая передается былинными средствами, в частности, гиперболизацией, что соответствует эпической традиции. Однако функция гиперболы – показать не только силу пахаря, но и необозримые просторы, особое приволье – «со края в край – другого не видать».

Пахарь и поле – это особое единство. Часто в «чистом поле» проходит бой с врагом, в этом необъятном поле совершается и ратный подвиг трудовой. Подчеркнута и красота труда, наслаждение трудом.

И данная былина известна во многих вариантах, однако финал ее повторяется почти дословно, что свидетельствует о его значимости для создания образа богатыря. Нет вариантов данного сюжета, в которых бы на вопрос Вольги, обращенный к Микуле: «– Ой, же ты, оратай-оратаюшко, / Как же тебя звать-величать?» – последовал бы прямой ответ пахаря.

В ответе богатыря перечисляются его трудовые действия, имеющие своим итогом не столько сытость, сколько праздник души. Но по-настоящему счастливым русский человек может быть, если этот праздник он готовит другим:

Ай же, Вольга Святославович!
 А я ржи напашу да во скирды сложу;
 Во скирды складу, домой выволочу
 Домой выволочу, да дома выволочу
 Драни надеру, да и пива наварю
 Станут мужики меня покликивати:
 «Молодой Микулушка Селянинович» (6, с. 231).

Вот за эти качества мужики любовно и почтительно величают его.

Добрый, хороший, красивый в народном сознании – слова-синонимы. Доброта Микулы проявляется и в согласии выручить князя в его поездке по городам.

Добро в былинах воплощено и через изображение женщины-матери. В. Я. Пропп в обстоятельной работе, посвященной былине, пишет: «Отцы в жизни героев русского эпоса, как правило, не играют никакой роли. Тем ярче и рельефнее очерчивается эпическая мать, обычно (не только в песнях о Добрыне) носящая имя Амелфа Тимофеевна» (8, с. 456).

«Женское» в русском фольклоре – особая тема Проппа. Напомним, что существует немало изречений, которые строятся на принципе уподобления, например, «мать-сыра-земля», «земля-кормилица», «родина-мать». Это особое слияние, совпадение женщины – матери – земли – основы жизни, многое проясняет и в той функции, которая отведена матери в сюжете былины. В былинах известны лишь две матери: Добрыни Никитича и Василия Буслаева.

Одним из древнейших сюжетов считается «Добрыня и Змей». В былине изображены два боя Добрыни со Змеем, первый бой, в котором Добрыня побеждает Змея и заключает с ним «заповедь великую», чтобы тот не летал на Святую Русь, и второй бой – совершает по просьбе (поручению) князя Владимира. Фольклористы считают, что это два пласта былины (один из них – первый – до-киевский – более древний, часть былины со вторым боем – «переход в Киевский цикл»). Можно принять эту точку зрения и отметить, что мать Добрыни включена в обе части сюжета, настолько важна ее функция.

Зачин любого из многих вариантов данного сюжета начинается со слов матери Добрыни. Варианты различаются лишь тем, что в одних наказ матери идет сразу: «–Ай, Добрынюшка мать ему наказывала / Не куплись, Добрынюшка, во Пучай-реки» (6, с. 242), а в других – после сетования матери: «Что молод начал ездить во чисто поле. / На ту гору Сорочинскую / Топтать-то молодых змиеньшей, / Выручать-то полонов русских» (там же, с. 240).

И в тех и в других вариантах Добрыня нарушает запрет матери. Мать же выступает как провидица, она рисует то, что случится с ее сыном, если он не выполнит ее наказ.

В дальнейших звеньях сюжета все повторяется: пророчество матери сбывается. Наказ в былине звучал как просьба любящей матери без надежды на исполнение со стороны Добрыни, но все, что она пророчествовала, сбывается, однако случилось и то, о чем мать не говорила, а знала (победа в первом бою).

Характер былинного действия таков, что нарушение запрета дает ход дальнейшим поступкам героя. Можно предположить, что функция матери в былине исчерпывается тем, что она должна произнести слова наказа (запрета). Но это не совсем так. Как видно из разных вариантов этой былины, певцы всегда оставляют в памяти эту часть былины, более того, она иногда бывает очень развернутой, поэтичной, тем самым подчеркнута ее особая содержательная значимость. Мать в былине – хранительница жизни, ей дано такое знание, которым другие не обладают.

Во второй части былины функция матери Добрыни еще более возрастает. Во-первых, интересно то, что мать, видя «закручивившегося» Добрыню, пытается понять причину его печали и спрашивает его:

Что же ты, Добрынюшка Никитич,
Идешь с пиру – сам кручинишься.
Знать место было там не по чину,
Чарой на пиру тебя приобнесли
Аль дурак на пиру надсмеялся-де? (там же, с. 242).

В этих вопросах матери и ответах Добрыни дана целая «этическая» программа.

Во-вторых, узнав истинную причину печали, – «Князь Владимир накинуд на него службу великую» – выручить у Змея Князеву племянницу, мать успокаивает Добрыню:

Ложись-ка спать да рано с вечера,
Так утро будет очень мудрое –
Мудренее утро будет оно вечера (там же, с. 242).

Провожая на бой, она дает ему не только совет, но и предметы, необходимые для успешного боя.

И вновь, как и в первой части (в зачине), мать предугадывает события. В данной ситуации Добрыня исполняет наказ-совет, все идет, как предсказывала мать. Таким образом, мать Добрыни участвует в совершении богатырского подвига сына – расправе со Змеем – врагом Русской земли. Прорицательницей судьбы своего сына, а в некоторых вариантах и спасительницей его, изображена

мать Добрыни в известном сюжете «Добрыня и Маринка», по утверждениям ученых, более позднем, чем другие о Добрыне.

В Новгородском цикле былин особенно выделяются два сюжета о Василии Буслаеве. Один из них посвящен бунту героя против Новгорода и обычно называется в сборниках «Про Василья Буслаева» (3, с. 9), другая – «Как Василей Буслаев молиться ездил» (2, с. 10). Основываясь на их внутреннем пафосе, В. Я. Пропп справедливо называет данные былины «поэзией бунта» (8, с. 442).

Как и в былинах о Добрыне, большую смысловую нагрузку в этих сюжетах несет образ матери новгородского богатыря. В былине «Про Василья Буслаева» подчеркивается, что мать дает сыну образование и воспитание, соответствующее требованиям «великого Нове-города», есть указание и на исключительную талантливость Василья. Далее во всех вариантах сюжета указано, что Васька Буслаев имеет буйный нрав, и шутки его приносят увечья богатым «боярским и княжеским» детям. Центр былины – бой с новгородцами, в которых проявляется особое удалство и молодечество героя.

В. Г. Белинский найдет точные слова для обозначения Васькиного нрава и поведения, укажет на «упоенье молодой жизнью», он пытается мотивировать вражду героя с новгородцами тем, что Васька «...разрывает, подобно паутине, слабую ткань общественной морали» (1, с. 401).

Включение в былинную образ матери богатыря придает ей особую достоверность, на которую и рассчитывает эпос, а в данном сюжете мать является еще и своеобразным «противовесом» бунтарскому нраву сына. «Матера вдова Амелфа Тимофеевна» призвана возратить Ваську в дом, к тихой жизни, что ей и удастся в финале первого сюжета. В некоторых вариантах былины, особенно если ее поют женщины, образ матери пронизывает все сюжетные звенья (6, т. III, с. 284), она очень активно вмешивается в жизнь сына. По типу поведения мать и сын – антиподы: мать благочестива, уважаема в Новгороде, сын же таков:

Повадился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, со безумицы.
А и ходя в городе уродует,
Которова возьмет он за руку,
Из плеча тому руку выдернет (3, с. 10).

Былинные певцы любят подчеркнуть, что одна мать во всем Новгороде только и может умирить свое «чадо роженое». То, что в былинах такое значение уделяется матери, а не отцу, есть свидетельство ее архаичности, но причина не только в этом. Подчинение отцу указывало бы на подчинение прежде всего силе. А былина подчеркивает благоговейное, почти святое отношение к матери – прародительнице всего живого. Сила влияния матери на Ваську такова, что он не просто подчиняется ей, а становится мирным, кротким (хотя бы на время). «Есть и такие варианты, – указывает В. Я. Пропп, – в которых мать накрывает его шубой и приносит на своих руках домой, как малое дитя» (8, с. 460).

В былине «Василей Буслаев молиться ездил» (3, с. 1) в основе сюжета – смерть героя. Былинные певцы в большинстве случаев начинают с развернутой экспозиции, в которой дается необычайно поэтичное описание корабля Василия Буслаева, его дружины, – все это приемы идеализации богатыря. Любование певца внешними атрибутами переключается на поведение Василия: его обращение к дружине и отношение к матери. Гроза Новгорода преображается в ее присутствии:

Как вьюн, около ея убиваетца,
Просит благословение великое:
– А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое –
Итти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хороброю,
Мне-ка господу помолитися,
Святой святыни приложитися,
Во Ердане-реке искупатися (там же, с. 92).

Мать не столько не верит Василию, сколько не исключает и других его поступков, высказывая к ним свое отношение.

Как бы то ни было, важно само согласие на благословение, но еще важнее то, как она собирает сына в дорогу: «И дает она много свинцу-пороху, / И дает Василию запасы хлебные, / И дает оружие долгомерное», сопровождая это словами: «Побереги ты, Василей, буйну голову свою» (3, с. 92).

Отношение матери к Ваське – та сила, которая призвана удержать его в решении «под старость надо душа спасать». Но «душа спасать» не получилось у Василия Буслаева.

Василий Буслаев – воплощенное озорство, буйство, молодечество, этими качествами истощается его поведение (так было и в первом сюжете). Но в данной былине бунт Васьки направлен против всего, что предначертано человеку, независимо от чего, или от кого это исходит. Этим и объясняется его смерть. Финал былины – возвращение дружины в Нове-град, встреча с матерью, для которой смерть сына не является неожиданностью (в некоторых вариантах мать ему напророчила такой конец).

Мы обратили внимание на то, что в былине добро, доброе, как хороший поступок, дается через изображение богатырских подвигов (в труде, в бою), рассмотрели, каковы функции женщины-матери в тех сюжетах, где это имеет место.

Русский фольклор дает уникальную возможность рассмотреть добро как «ласковость», воплощенную не только на уровне сюжета, но и в устойчивой системе изобразительно-выразительных средств. Это можно сделать на материале разных видов и жанров, но чрезвычайно богатый материал содержится в обрядовой и необрядовой лирике. В. И. Даль приводит синонимы слову «ласковый», учитывая и народное толкование. «Ласковый» – приветливый, любовный, дружеский, милостивый и благодушный (2, с. 238).

Самым общим признаком необрядовой лирики фольклористы считают изображение человека и отношение к нему. Собственно лирическая природа песни складывается постепенно через выделение личностного начала, что также находит отражение в отборе лексики. В традиционной русской песне на первом месте оказываются такие слова, как «добрый, хороший, правый, свет, милый, дорогой, родной, разлюбезный, красный» (в этом плане проигрывает даже близкая нам украинская песня). Например, эпитет «милый» на одинаковое количество строк встретился 36 раз, в украинской – 6, якутской – 0, адыгейской 0 (7, с. 5, 63). Отметим, что в русских песнях очень часто встречается слово «душа» (в сочетании с другими словами, как эпитет).

Душа красна девица,
Душечка, красна девица
Мой миленький хорош,
Чернобров,
Душа пригож (9, с. 25).

В русской песне максимальное выделение человека и его внутреннего мира происходит посредством включения в текст уменьшительных форм различных частей речи (существительных, прилагательных, наречий).

В русском языке, как отмечено лингвистами, самым продуктивным способом образования новых слов является суффиксально-префиксальный. Наличие суффикса в слове дает возможность субъективной оценки, уточнения его границ. Так что русской песне есть из чего выбирать. Но народная песня творит свой мир, хотя и с учетом законов национального языка, однако обращается со словом по-своему, точно определяя его место в художественном мире песни. Тогда и появляются поэтические сочетания типа «государева армяношка», «царски значечки», а «у значечков касицушки по земле вьются», «стаичка галочек», «воздыханице-несчастьице», «безвременьице» и др. (6, с. 171).

Если песня – душа народа, то в указанной поэтической особенности она раскрывается максимально.

Мы лишь коснулись лексического пласта необрядовой лирической песни и убедились, что слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами охватывают все, что касается человека и его жизни или имеет к этому хоть какое-то отношение. Приведем примеры:

Имена собственные: Катенька, Дарьюшка, Павлушечка, Алексеюшка и др.

Семейные и иные отношения: батюшка, матушка, сестричка, сироточка, сиротинка, сударушки, молодушка, ровнюшка.

Собственно человек: рученька, ноженька, щечки, мизинчик, глазоньки, походочка, румянчики-белички, бочок, умок-разумок.

Пространство: сторонушка, дороженька, речушка, лужочек.

Примеры подобного рода можно продолжать. Укажем, что чаще всего эти существительные сопровождаются еще эпитетом, а иногда и не одним. Получается максимально эмоциональная картина мира, но в одной тональности. Применительно к лирике необходимо учитывать то, что в ней субъект (поющий) и объект (если в лирике есть повествовательное начало) часто совпадают.

Добром и любовью держится мир. Об этом свидетельствует русский фольклор, который явился питательной почвой и для классической литературы, изучаемой студентами филологического факультета на следующих курсах. Совместная работа преподавателя и студента по интерпретации текста в нравственном аспекте через специфическую фольклорную форму способствует выработке таких духовных качеств личности, без которых не выжить в современном мире.

1. *Белинский В. Г.* ПСС : В 13 т. М., 1954. Т. 5. 863 с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. М., 1995. Т. 1. 699 с.
3. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М. : Наука, 1977. 491 с.
4. *Зуева Т. В.* Русский фольклор : словарь-справ. М. : Просвещение, 2002. 334 с.
5. *Лихачев Д. С.* Заметки о русском. М., 1984. С. 35–46.
6. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. : В 3 т. М. ; Л., 1949–1951.
7. Опыт системно-аналитического исследования исторической поэтики народных песен // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 60–85.
8. *Пропн В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 442–466.
9. Собрание народных песен П. В. Киреевского. Л., 1977. Т. 1.

Н. В. Дивнина

ТАЙНЫ И ЧУДЕСА СТАРОГО СОБОРА

Аннотация. Публикация представляет хронику строительства и разрушения старого Петропавловского собора (1826–1878 гг.), составленную по свидетельствам, воспоминаниям и рассказам очевидцев, историю соборных святынь, богослужебной жизни, памятных захоронений. Ряд документов и изображений публикуется впервые.

Ключевые слова: Русская православная церковь, Петропавловск-Камчатский, храмовое строительство, старый собор, иконы, святыни, церковь.

Abstract. The publication presents the chronicle of the old Petropavlovsk cathedral construction and destruction (1826–1878) compiled according to evidences, recollections and eyewitnesses' accounts. It also shows the history of cathedral sacred objects, church service life and memorable burial places. Some documents and images are published for the first time.

Key words: Russian Orthodox Church, Petropavlovsk-Kamchatsky, temple construction, old cathedral, icons, sacred objects, church.

Старый Петропавловский собор простоял в порту с 1826 по 1878 г., находясь в постоянных разрушениях и перестройках, и, в конце концов, был разобран на строительные материалы для другой церкви. Хронику его недолгой жизни я представляю вниманию читателя.

Начнём же, с Богом! Предыстория такова. «Экспедицкая», времен Беринга, церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы пришла в негодность через 20 лет; леса для ее исправления не было. За малолюдством порта церковь перенесли в селение Паратунка. Там к имеющейся часовне прирубили алтарь, освятили новую церковь с прежним названием, а полуразрушенное экспедиционное строение предали огню в 1766 г.

С 1800 г. церковь снова перенесли в Петропавловскую гавань, к ней пристроили придел во имя св. апостолов Петра и Павла; храм быстро пришел в негодность. Причина – в сыром лесе, все постройки из которого приходилось постоянно подновлять и ремонтировать. Протоиерей П. Громов объясняет причину колоритней и короче: «по непрочности материалов и по неискусству здателей» (1, с. 70).

Население Петропавловского порта увеличивалось, и ситуация с отсутствием храма становилась катастрофической. Поэтому «правительство... положило построить его на счет казны; в Иркутске составлены план и сметы, и отпущена сумма. Епископ иркутский Михаил II в 1818 г. благословил построить новый храм однопрестольный во имя св. апостолов Петра и Павла» (там же, с. 70–71).